

Метаморфозы истории 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 28 Том . 2023

Религиозные конфессии Беларуси как инструмент пропаганды немецких оккупационных властей в 1941-1944 гг. (на примере Генерального округа Беларусь)

Пушкаренко Елена

*Доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Российская таможенная академия
Российская Федерация, Люберцы*

Аннотация

В статье рассматривается проблема использования немецкими оккупационными властями религиозных конфессий Беларуси в качестве инструмента пропаганды в 1941-1944 годах (на примере Генерального округа Беларусь). Выявлено, что в годы второй мировой войны нацисты проводили особую религиозную политику. Они заявляли о свободе вероисповедания для населения «освобожденных территорий» и использовали веру в Бога, как средство идеологического воздействия.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, религиозная конфессия, Великая Отечественная война, нацистское неоязычество, религиозная политика, «белорусизация»

Дата публикации: 12.06.2023

Ссылка для цитирования:

Пушкаренко Е. Религиозные конфессии Беларуси как инструмент пропаганды немецких оккупационных властей в 1941-1944 гг. (на примере Генерального округа Беларусь) // Метаморфозы истории – 2023. – Выпуск 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://history-metamorph.ru/S230861810025810-1-1> (дата обращения: 03.07.2024). DOI: 10.37490/S230861810025810-1

1 В годы второй мировой и Великой Отечественной войны вопросы вероисповедания активно использовались нацистскими властями в самой Германии и на оккупированной территории европейских стран как инструмент пропаганды. Особую роль религия играла в немецкой пропаганде на территории советских республик. Ставка была сделана на тот факт, что советская власть накануне войны проводила активную антирелигиозную политику, фактически вытеснив веру из повседневной жизни людей. Приход немецких «освободителей» на советскую территорию сопровождался демагогическими заявлениями о свободе вероисповедания и открытием храмов. На белорусскую землю был перенесен германский опыт, основанный на широкой пропаганде веры в нового мессию в образе А. Гитлера. Нацисты пытались соединить христианскую символику и фашистскую идеологию, что в совокупности с возрождением древнегерманского язычества должно было стать основой «новой веры».

2 В самой Германии мессианская символика весьма широко использовалась пропагандой: на портреты фюрера, например, помещали изображения Христа и сопровождали подписью «сначала было слово». В протестантских церквях звучали ужасные по своему содержанию проповеди – «Гитлер – это голос Христа, пожелавшего стать телом и кровью немецкого народа». Но гораздо большим богохульством кажется цитата из брошюры «Что христианин не знает о христианстве», изданной министерством Й.Геббельса, - «если Иегова потерял всякое значение для нас, немцев, то то же самое может быть сказано и о Христе, Его сыне..; он не обладает теми моральными качествами, которые ему придает церковь, и несомненно не имеет того, что необходимо каждому настоящему германцу»¹. Конечно, христианские мораль и человеколюбие никак не могли соотноситься с расовыми теориями нацистов. Христианство вызывало у нацистов ненависть еще и тем, что они видели в нем связь с иудаизмом и большевизмом. Идеологов «3-го Рейха» раздражал христианский принцип равенства всех перед лицом Бога, в чем они видели аналогии с коммунистической доктриной. Происхождение обоих учений в еврейской среде, их по сути интернациональный характер, а также и то, что первое и второе учения «возбуждают неудовольствие масс и снижают все великое именем пощадности и равенства», выступало поводом для борьбы нацистской власти как с коммунизмом, так и с христианством.

3 Одним из создателей новой веры стал А.Розенберг, предложив в своей книге «Миф 20-го века» «преодолеть все старые таинства и заменить их новыми, основу которых будут составлять божественная природа человека и миф крови, точнее нордической крови»². Он же написал устав будущей «Церкви Национального Рейха», в котором провозглашалась беспощадная борьба с «иноземной христианской верой» и высказывались требования запретить Библию, заменив ее произведением А.Гитлера – «Моя борьба».

4 Правда, в своих попытках распространить «новую веру» на белорусской земле нацисты не были так радикальны, как в Германии, и не отказывали в праве на существование христианству. При этом они широко пропагандировали мысль о миссианской роли Гитлера в изменении исторической судьбы всей Европы, в том числе и Беларуси. Утверждалось, что Гитлер стал ее «освободителем от большевистского угнетения». На первых порах оккупационные власти

разыгрывали роль покровителей религии. В Минске действовало несколько православных, два католических, один мусульманский храм и один баптистерий. Реальные же намерения «освободителей» относительно будущего белорусов содержались в плане «Ост», согласно которому 75% белорусов подлежало выселению со своих мест³.

⁵ О роли религии в оккупационной политике более чем откровенно высказался сам «фюрер»: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола»⁴. «Нашим интересам, – говорил он, – соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»⁵.

⁶ Летом и осенью 1941 г. было принято множество официальных документов, которые должны были регламентировать политику в отношении религии и церкви на Востоке. Среди них основными были: директива шефа полиции и СД Р. Гейдриха оперативным группам и командам полиции безопасности и СД от 2 июля 1941 г.; указания министерства занятых восточных территорий военным организациям об отношении к религиозному вопросу на оккупированных территориях СССР от 3 августа 1941 г. и др.

⁷ Учитывая роль православия, мероприятиям в отношении Русской православной церкви на оккупированных территориях уделялось особое внимание. В своих стратегических замыслах руководство рейха ориентировалось на уничтожение Русской православной церкви как исторического и национально-культурного феномена русского и других православных народов СССР. Ее место должна была занять «новая религия» и государственная церковь, планы создания которых вынашивались идеологами нацизма. Вообще немецкие власти в оккупационной зоне в своих идеологических целях стремились максимально использовать религиозную проблематику. В первые месяцы войны, пока на оккупированной территории не сформировалась гражданская администрация, первую скрипку в конфессиональной политике играла военная администрация. Она исходила не столько из политико-идеологических задач, сколько из конкретной военной обстановки, которая складывалась в прифронтовой полосе, и старалась не провоцировать конфликты с гражданским населением и не препятствовать стихийному религиозному возрождению, проявившемуся на оккупированной советской территории⁶. Подтверждением могут служить слова рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга, сказанные им на Нюрнбергском процессе. Отвечая на вопрос: «Каково было ваше отношение к

церквям, входящим в круг ведения министерства восточных территорий?» – он сказал: «После вступления немецких войск на восточные территории армия по собственной инициативе даровала свободу богослужений, и, когда я был сделан министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ „О свободе церкви“ в конце декабря 1941 года»⁷.

⁸ Впоследствии на территории Беларуси в основу конфессиональной политики немецкой гражданской администрации был также положен древнеримский принцип «разделяй и властвуй». В борьбе с советской идеологией и коммунистическим мировоззрением оккупационный немецкий режим использовал религию, повсеместно открывая храмы и разоблачая советскую атеистическую практику. Немецкие «освободители» заявляли, что именно они восстановили «задушенную большевиками религиозную жизнь». Основной расчет оккупантов был сделан на православие, как самую массовую конфессию.

⁹ О положении православия в Беларуси в начале войны можно судить по свидетельству епископа Афанасия (Мартоса). Он писал: «Немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись, где кто мог, многие умерли в ссылках, в тюрьмах. Но верующие были в огромном числе»⁸. Немцы воспользовались этой ситуацией и инициировали создание т.н. автокефальной церкви. В сентябре 1941 г. Экзарх Западной Беларуси и Украины Пантелеимон (Рожновский) обратился к Генеральному Комиссару Беларуси В.Кубе с просьбой разрешить организацию «национальной белорусской православной церкви, которая будет стоять на основе повышения чувств национального сознания и морального уровня белорусского народа, а также его сосуществования с великим немецким народом»⁹. После чего Генеральный Комиссар своим приказом от 3.10.1941 дал согласие на образование автокефалии. Однако об истинной самостоятельности говорить не приходилось: фактически под его контролем оказались вся деятельность новообъявленной церкви. Как сообщали партизаны, «действия ее руководителей осуществлялись в полном соответствии и под надзором немецкой администрации»¹⁰. Доверив Пантелеимону возглавить белорусскую автокефальную церковь, немцы потребовали от него не вступать в отношения ни с Москвой, ни с Варшавой¹¹.

¹⁰ На территории Генерального округа Беларусь эта политика приобрела форму полного подчинения церкви светской власти. При уездных, городских и окружных немецких управах были учреждены отделы религиозных дел. Руководители этих отделов фактически исполняли функцию церковного руководства. Администрация В.Кубе взяла курс на т.н. «белорусизацию», поэтому литургии должны были проходить только на белорусском языке. Это должно было подчеркнуть не только церковную самостоятельность Минска от Москвы, но и вообще полную независимость белорусов в культурно-историческом и политическом смысле от русского народа. На представителей белорусского православного священства была возложена обязанность пропагандистов новой идеологии, при этом они должны были разоблачать своих российских коллег в

служении большевикам. Уже на 1-ом Соборе епископов Православной Церкви, который состоялся 6. 10. 1941г. в Жировичах, собравшиеся священники вынуждены были подписать обращение к пастве, в котором говорилось, что «немецкая армия освободила население Беларуси от богоборческой советской власти». В документах также выражалась обеспокоенность по поводу того, что «на территории Восточной Беларуси не нашлось ни одного православного епископа, народ остался без священников и храмов, но при этом проявил глубокую веру в Бога и любовь к церкви, выразив желание восстановить религиозную жизнь»¹².

¹¹ Стремясь привлечь местное население на свою сторону, обеспечив тем самым спокойный и надежный тыл, В.Кубе сделал ставку на «белорусизацию» и стремление народа возродить церковную жизнь. Священники еще в начале оккупации получили от немецких властей своего рода удостоверение, якобы «охраняющие их права»¹³. Завидную активность в использовании церкви в целях «национального возрождения и белорусизации» развернула коллаборационистская организация - Белорусская Народная Самопомощь. Один из ее представителей - И. Косяк - был одновременно и доверенным лицом при отделе культуры и политики Генерального Комиссариата Беларусь, и занимался вопросами религии. Косяк в своей книге «Из истории православной церкви белорусского народа» утверждает, что митрополит Пантелеимон не очень охотно развернул работу по белорусизации церкви, и вообще организации ее автокефалии, мотивируя это тем, что автокефалия Белорусской Православной Церкви не будет соответствовать церковным канонам. Тем более раздражало как новоявленный «белорусский актив», так и германскую администрацию консервативность Пантелеимона в деле «белорусизации» (он продолжал проповедовать по-русски). Более того, Пантелеимон не пошел на разрыв с предстоятелем Русской Православной Церкви¹⁴. Эти «недоразумения» были достаточно быстро решены ссылкой Пантелеимона в Лядский монастырь (Смолевичский р-н), а выполнение его обязанностей было возложено на епископа Филофея (Нарко). В результате Пантелеимон был вынужден подписать распоряжение, которое, по крайней мере, внешне соответствовало проводимой немцами политике, а, с другой стороны, позволяло влиять на процесс организации автокефальной церкви. В частности, в нем говорилось: «Проповеди и наука Закона Божьего должны происходить на белорусском языке; запрещается крестить евреев; оставляю за собой право обработки Устава автокефальной церкви Беларуси»¹⁵.

¹² Непосредственно организационными вопросами занялись уже 2-й и 3-й Соборы (проходившие в ноябре-декабре 1941г. и марте 1942г. соответственно), в ходе которых митрополия была разделена на пять епархий – Минскую, Могилевскую, Витебскую, Смоленскую, Новогрудскую (в соответствии с немецким административным делением на 5 хауптбэцирков) и одну «заграничную» - Белостоцко-Гродненскую. На Соборах был разработан Устав Автокефальной Православной Церкви Беларуси, образован Синод, духовные консистории в Минске и Жировичах. Наконец, после утверждения Статута Генеральным Комиссаром, во время проведения Всебелорусского собора в Минске 31 августа 1942г. была провозглашена автокефалия белорусской православной

церкви^{16,17}. На соборе, помимо сугубо религиозных, обсуждались вопросы об отношении церкви к т.н. «новому порядку». Однако большая часть белорусского православного духовенства отказалась поддержать оккупантов. Как следствие, многие православные священники были вскоре арестованы гестапо и казнены. Арестованы и расстреляны были также ксендзы обоих минских костелов¹⁸.

¹³ В то время, как на территории Генерального округа Беларусь только шла подготовка к запланированному учреждению автокефалии, Московский митрополит Сергей неоднократно обращался к верующим с призывами поддержать советскую власть и бороться с фашизмом. Долгое время митрополит находился в изгнании, но в тяжелую для страны годину, когда народ остро нуждался в духовной поддержке и церковном окормлении, Сталин вернул его в Москву. Митрополит Сергей в первый же день составил «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ на защиту Отечества¹⁹.

¹⁴ На этом фоне развернулась яростная заочная полемика на страницах изданий, выходивших под контролем немецкой администрации. В публикациях активно разоблачали «новые сталинские планы обмана русского народа». Пропагандисты утверждали, что такими мерами Сталин пытается привлечь народ на свою сторону и поднять его на борьбу с Гитлером.

¹⁵ На страницах газет, по радио в течение всего периода оккупации шло политическое противостояние между представителями белорусской автокефальной и Русской православной церкви. Когда в октябре 1942г. московский митрополит Сергей в очередной раз сказал, что только победа советского оружия спасет как православную церковь, так и весь христианский мир, и что на оккупированной территории захватчики грабят и разрушают церкви, пытаются верующих и священников, в немецких изданиях на белорусском языке были опубликованы слова митрополита православной церкви рейхскомесариата Остланд Сергия. «Во времена господства большевиков любая религия, а не только ортодоксальная, преследовалась. Большевики закрывали церкви, церковные школы и печать, дети ничего не знали про Христа. И когда началась война, большевики не отказались от своей доктрины - после отступившей Красной Армии остались сожженные храмы, а немецкая власть, наоборот, идет навстречу стремлениям жителей освобожденных областей восстановить церковную жизнь и религиозное просвещение», - писала «Белорусская газета». А основатели автокефалии вообще выразили Генеральному Комиссару Беларуси свою признательность после получения ими «самостоятельности в ведении религиозных дел», при этом они пообещали «использовать морально-религиозное влияние на население и избавить его от большевистской отравы». Гитлера они называли «освободителем белорусской земли, даровавшим возможность для национального и культурного возрождения и развития»²⁰.

¹⁶ Надо отметить, что первый Генеральный Комиссар округа – В.Кубе старался завоевать симпатии населения политическими средствами, одним из которых стала религия. Именно Кубе начал белорусизацию церковной жизни и стремился создать Белорусскую автокефальную православную национальную

церковь, независимую от российского влияния²¹. Была санкционирована деятельность и других религиозных конфессий. Весной 1942 г. Кубе разрешил деятельность белорусского экзархата греко-католической церкви, который существовал подпольно с момента его организации в октябре 1939 г. А.Шептицким²². Поддержал Кубе и инициаторов белорусизации Римско-католической церкви²³. В 1941 г. в Минске открылись Кафедральный собор и церковь в женском монастыре по Интернациональной улице. Были открыты храмы и других конфессий: Красный костел, костел на Кальварийском кладбище; татарская мечеть; общество баптистов на Немиге. Но уже в следующем году ситуация начала меняться: в августе 1942г. после статьи в «Белорусской газете», в которой подчеркивалось, что баптисты «одобряют жидовскую землю – Палестину», общество баптистов было распущено. Были закрыты оба костела, после чего начали закрывать католические храмы повсеместно в округе²⁴. Дело в том, что немецкая администрация пристально следила за содержанием проводившихся служб, а поскольку католические священники часто выступали с антифашистскими призывами, - это стало формальным поводом для запрета католичества. Главной причиной послужило несогласие духовных лиц Римско-католической церкви сотрудничать с фашистами и исполнять обязанности пропагандистов. Один из советских разведотрядов сообщал в октябре 1942, что «среди православного священства еще существовали сторонники вновь созданной белорусской церкви (31.08.1942), а среди ксендзов встречались те, что призывали помогать партизанам»²⁵. Начались аресты и убийства священников и православной, и католической церковей, до конца оставшихся преданными христианской морали.

17 В целом отношение немецкой администрации округа к Римско-католической церкви несло на себе отпечаток той политики, которая осуществлялась в самой Германии. О ней ярко свидетельствует цитата из речи преемника В.Кубе - К. фон Готтберга, посвященной вопросу «борьбы с бандитизмом». «Ясно, - сказал он, - что католическая церковь является нашим врагом. Ту неудачу, которую она потерпела в Европе, особенно в Германии, она желает компенсировать путем внедрения в православную церковь... Мы должны поддерживать православие. Мы уже создали автокефальную церковь и выслали епископа [католического]»²⁶.

18 В принципе, приход к управлению Генеральным Округом Беларусь нового комиссара означал ряд перемен в проводимой политике. Если Кубе делал ставку на политические и идеологические средства, пытался привлечь белорусскую интеллигенцию, фактически санкционировав т.н. «белорусизацию», то Готтберг не видел смысла в поощрении белорусского национализма. Готтберг рассчитывал, что свои основные задачи – борьбу с партизанами и эксплуатацию хозяйственных ресурсов белорусской земли – он сможет решить, не прибегая к политическим средствам²⁷. Поэтому с назначением К. фон Готтберга на должность Генерального Комиссара происходят изменения как во взаимоотношениях немецкой администрации с местными коллаборационистами, так и в религиозной политике. В первую очередь, это проявилось в давлении на Римско-католическую церковь.

Католический клир на белорусской земле был представлен в те годы в основном поляками, а к полякам нацисты испытывали почти такую же ненависть, как и к евреям. Поэтому и отмечали большое польское влияние на белорусов-католиков как опасное, препятствующее проведению собственной политики. Немецкая администрация округа досконально изучила «польский вопрос». Было установлено, что количество белорусских католиков составляет около 3-3,5 млн человек. Чтобы охватить своим влиянием эту часть населения, и главное, чтобы лишить ее польского культурно-исторического и политического воздействия через церковь, мессу разрешалось проводить только на белорусском языке. Официально католическое вероисповедание не запрещалось, но многие храмы закрылись. Кроме того, поставленной задаче служило периодическое русскоязычное издание для белорусов-католиков - «Голос души». Публикации газеты были нацелены на возрождение в читательской массе национальных чувств. «Несмотря на принадлежность к западной или восточной христианской церкви, белорус остается белорусом, а не поляком или русским», - говорилось в одной из статей²⁸.

¹⁹ В 1941г. в восточные области Беларуси отправились сотни священников из западных областей для возрождения и налаживания церковной жизни. В ответ на это Виленский архиепископ Яблжковский приказал послать туда несколько групп католических клириков, которые бы занялись восстановлением приходской жизни. Но если в западных районах округа немцы относились к существованию костелов более-менее терпимо, то перспектива распространения католичества в традиционно православном регионе в их планы не входила. В начале 1942 года почти все ксендзы, направленные в восточные приходы, были арестованы и расстреляны. Основанием для этого стало обвинение в сотрудничестве с подпольным польским движением и распространение идей националистического характера. Как и в Германии 30-ых годов, борьба с католической церковью велась под знаком борьбы с политической деятельностью костела. Если в Германии это противостояние светской и церковной власти закончилось подписанием в 1933 г. конкордата с Ватиканом, закрепившего подчиненное положение католического священства перед нацистской властью, то в оккупированных областях Восточной Европы нацисты не обременяли себя подобными соглашениями²⁹. Они просто убивали неудобных, и одной из первых их жертв стал известный своей общественной деятельностью ксендз К. Годлевский.

²⁰ Не обошла волна террора и представителей белорусского униатства, возобновивших свою деятельность с апреля 1942г. в местечке Альбертин под Слонимом. Хотя их лидер – ксендз Неманцевич – и объявил себя «искренним белорусом», а униатство – национальной белорусской религией, он был расстрелян, а униатская община была разогнана.

²¹ Впрочем, немецкая администрация была заинтересовала в сотрудничестве с представителями любой конфессии. Главным условием для этого являлась готовность исполнять пропагандистские функции. А именно: называть в проповедях нацистскую Германию и А.Гитлера «освободителями белорусского народа от большевистского ига», признавать их в качестве божественных посланников, которые призваны уничтожить «слуг дьявола - жидов и большевиков»³⁰.

22 Таким требованиям в наибольшей степени соответствовала «белорусская автокефальная православная церковь», именно она, согласно документации административного аппарата Генерального Комиссариата Беларуси, обладала на февраль 1943 года легальным статусом. Римско-католическая была названа «нелегальной»; униатская могла действовать только в случае признания ею главенства православного митрополита; баптистам разрешалось отправлять религиозный культ только с согласия местной администрации; а объединения глубоких и барановичских евангелистов могли собираться только под наблюдением представителя гэбитскомассара³¹.

23 Еще в феврале 1942г. В.Кубе приказал собрать сведения о татарском населении мусульманского вероисповедания и «выявить их дружелюбное или враждебное отношение к новой власти». Немцы хотели использовать разрешение на отправление мусульманского культа для привлечения татарского населения на свою сторону. При советской власти татар выселили из Минска (где до революции жила их основная часть) в местечки и деревни. Татарской диаспоре пошли навстречу, когда в октябре 1942г. мусульманский муфтий Литвы и Беларуси обратился к гэбитскомиссару г. Барановичи с просьбой разрешить открыть религиозную мусульманскую школу в г. Клецк, а чуть раньше Кубе приказал возобновить деятельность Минской мечети. При этом особое внимание обращалось на воспитание татарской молодежи в националистическом духе и ценностях «Новой Европы»³².

24 Таким образом, номинально было разрешено существование всех конфессий, которые позитивно относились к оккупационному режиму и проводимой им политике, и деятельность которых можно было не только контролировать, но направлять и использовать в соответствии со своими целями. А они, как свидетельствуют документы ГКБ, были направлены на «раскол общества на группировки по религиозной принадлежности, что соответственно уменьшит моральное влияние двух сильнейших церквей - католической и православной»³³.

25 В течение всего периода немецкой оккупации церковь должна была выполнять функции пропаганды. Так, даже в последние недели войны, во время проходившей в Минске конференции епископов (май 1944г.), глава белорусской автокефалии призывал «всех братьев и сестер во Христе не верить советской пропаганде, а под руководством немецкой власти бороться против врагов церкви, белорусского народа и всего человечества – большевиков»³⁴. Пропаганда велась не только в ходе богослужений, но и путем привлечения клира автокефальной церкви к участию в массовых общественно-политических мероприятиях и организации праздников. Большой пропагандистский смысл придавался празднованию Пасхи и Рождества Христова. Дни католического и православного Рождества В.Кубе объявил с 1942г. выходными, а в Пасху представителям местной немецкой администрации запрещалось каким бы то ни было образом препятствовать участию населения в богослужениях и крестных ходах. Наоборот, рекомендовалось принимать в них участие и сочетать проведение этих праздников с активной пропагандой³⁵. Сам факт возможности отмечать Пасху преподносился

пропагандой как подарок белорусам от их немецких «освободителей». Сугубо внешнее уважение оккупантов к религиозным чувствам и традициям должно было вызвать доверие белорусского общества к новой власти и сохранить спокойствие и мир в тылу вермахта³⁶.

²⁶ В школьную программу были возвращены уроки, направленные на религиозное образование. Хотя занятия по христианству были необязательными (даже в Уставе автокефальной церкви было записано, что образование населения - это прерогатива государства), их также использовали для воспитания детей и подростков в духе нацизма. Кроме того, религиозная жизнь населения сопровождалась антипартизанской пропагандой: в ходе богослужений и занятий в школах верующих призывали бороться с «бандитизмом» и «поддерживать немецкую власть своим самоотверженным трудом», не доверять советской пропаганде и разоблачать общих врагов всего человечества – «жидо-большевиков». Новая религиозная политика определялась еще и тем, что население края было практически обязано крестить детей и, как сообщали партизаны, «менять им советские имена на церковнославянские либо немецкие»³⁷.

²⁷ Особенно начала подталкивать церковь к более активному участию в идеологической обработке населения Белорусская Центральная Рада и ее «президент» Р.Островский. Последний был недоволен недостаточной «белорусизацией» церкви и ее участием в переупорядочении белорусского общества, отравленного большевистской пропагандой. Об этом шла речь и на майском соборе епископов в 1944г., который постановил, что все стороны и направления деятельности церкви будут охвачены «белорусизацией». А во время 2-го Всебелорусского конгресса в июне 1944 г., принимавший в нем участие архиепископ Филофей, высказался «о необходимости возрождения религиозно-морального характера белорусского народа для противостояния большевизму»³⁸.

²⁸ До конца оккупации немецкая администрация продолжала эксплуатировать тему «освобождения белорусского народа» и «возрождения культурной и церковной жизни». Можно сказать, что все белорусское священство, как православное, так и католическое, оказалось втянутым в идеологическое противостояние. Сохранять нейтралитет, находясь буквально «между молотом и наковальней» было невозможно. Одни священники были сожжены в храмах со своей паствой за отказ сотрудничать с оккупантами или за помощь партизанам. Другие были уничтожены советскими подпольщиками за участие в учредительном Соборе 1942 г., как пособники фашистов. Разница в том, что одни погибли «за други своя», а иные - за химеру «мифа крови».

²⁹ Таким образом, немецкие власти в оккупационной практике придавали особое значение пропаганде и проводили особую религиозную политику, имевшую сугубо внешние черты свободы вероисповедания и возрождения религиозной жизни. Изначально гражданской администрацией В.Кубе была разрешена деятельность всех конфессий – православной, католической, униатской, мусульманской и др. В школьную программу были возвращены уроки, направленные на религиозное образование. Священство всех конфессий власти

пытались задействовать в пропаганде. В целом, возобновление религиозной жизни сопровождалось активным идейно-политическим воздействием на население округа. При этом в русле инициированной В.Кубе «белорусизации» в ходе богослужений рекомендовалось использование белорусского языка. Немецкая администрация следила за лояльностью клириков к проводимой ею политике, поощряла феномен коллаборационизма в практике всех конфессий, в частности, санкционировала учреждение т.н. «белорусской автокефальной православной церкви». При этом клирики, отказавшиеся сотрудничать с оккупационными властями, а тем более, замеченные в антифашистской агитации, подвергались уничтожению. Как следствие, к началу 1943 года только «белорусская автокефальная православная церковь» обладала легальным статусом. Римско-католическая была объявлена «нелегальной»; униатская могла действовать только в случае признания ею главенства православного митрополита; баптистам разрешалось отправлять религиозный культ только с согласия местной администрации; а объединения евангелистов могли собираться и совершать богослужения только под наблюдением представителя немецкого гэбитскомастера.

³⁰ Оценивая эффективность пропагандистской работы оккупантов в религиозной сфере, следует сказать, что она была минимальной. Факторами, существенно повлиявшими на это, были крупномасштабное партизанское движение, советская контрпропаганда, методы антипартизанской борьбы немецких властей, представлявшие собой карательные экспедиции против мирного гражданского населения в зонах действия партизан, жестокий оккупационный режим.

Примечания:

1. Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С.57.
2. *Розенберг А.* Миф XX века. М., 2008. С.285.
3. Великая Отечественная война. М., 1970. С.30.
4. История Русской Православной Церкви. М., 2017. С.209.
5. *Барменков А. И.* Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 120.
6. *Одинцов М.И.* Патриарх Сергей. М., 2013. С.295 с.
7. *Регельсон Л.* Трагедия Русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977. С. 508.
8. *Мартос А.* Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990. С. 271.
9. Государственный архив Минской области. Ф.370. Оп.1. Д.2479. Л.100.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.4. Оп.33 а. Д.151. Л.117.
11. История Русской Православной Церкви. М., 2017. С.209.
12. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.24. Л.10.
13. НАРБ. Ф.4. Оп.33 а. Д.199. Л.97.
14. История Русской Православной Церкви. М., 2017. С.210.
15. *Касяк І.* 3 гісторыі прываслаўнай царквы беларускага народа. Нью-Йорк, 1956. С.42-50.

16. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.2479. Л.125.
 17. *Мартос А.* Указ. соч. С.210.
 18. Немецко-фашистский оккупационный режим. Москва, 1965. С.57.
 19. История Русской Православной Церкви. Москва, 2017. С.207.
 20. НАРБ. Ф.4. Оп.33 а. Д.151. Л.38.
 21. *Туронак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С.116.
 22. Раніца. 17.05.1942. №18(82).
 23. Раніца. 11.10.1942. №38(102).
 24. НАРБ. Ф.500. Оп.1. Д.773. Л.5.
 25. НАРБ. Ф.4. Оп.33 а. Д.24. Л.83.
 26. Беларуская газета. 1943. Красавік.
 27. *Туронак Ю.* Указ. соч. С.165.
 28. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.378. Л.62.
 29. *Ерин М.Е.* Католическая церковь Германии и фашизм: Учеб. Пос. Ярославль, 1990. С.78.
 30. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.387. Л.7.
 31. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.382 а. Л.75.
 32. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.386 а. Л.28.
 33. НАРБ. Ф.370. Оп.1 Д.398. Л.39.
 34. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.399. Л.68.
 35. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.399. Л.7.
 36. НАРБ. Ф.1191. Оп.1. Д.2 а. Л.23.
 37. НАРБ. Ф.4. Оп.33 а. Д.151. Л.93.
 38. *Касяк І.* Указ. соч. С.103.
-

Библиография:

1. Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979.
2. Великая Отечественная война. М., 1970.
3. Ерин М.Е. Католическая церковь Германии и фашизм: Учеб. Пос. Ярославль, 1990.
4. Касяк І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народа. Нью-Йорк, 1956.
5. Мартос А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990.
6. Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965.
7. Одинцов М.И. Патриарх Сергей. М.: Молодая гвардия, 2013.

8. Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917– 1945. Париж, 1977.
9. Розенберг А. Миф XX века. М. , 2008.
10. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993.
11. Беларуская газета. 1943. Красавік.
12. Раніца. 17.05.1942. №18(82).
13. Раніца. 11.10.1942. №38(102).
14. Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917– 1945. Париж, 1977.
15. Розенберг А . Миф XX века. М. , 2008.
16. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993.

Religious confessions of Belarus as a propaganda tool of the German occupation authorities in 1941-1944. (on the example of the General District of Belarus)

Elena Pushkarenko

*Associate Professor of the Department of Humanities, Russian Customs Academy
Russian Federation, Lyubertsy*

Abstract

The article deals with the problem of the use of religious confessions of Belarus by the German occupation authorities as a propaganda tool in 1941-1944 (using the example of the General District of Belarus). It is revealed that during the Second World War, the Nazis carried out a special religious policy. They claimed freedom of religion for the population of the "liberated territories" and used faith in God as a means of ideological influence. The German authorities in the occupation practice attached special importance to propaganda and carried out a special religious policy, which had purely external features of freedom of religion and the revival of religious life. Initially, the civil administration of V.Cuba allowed the activities of all denominations – Orthodox, Catholic, Uniate, Muslim, etc. Lessons aimed at religious education were returned to the school curriculum. The authorities tried to involve the priesthood of all faiths in propaganda. In general, the resumption of religious life was accompanied by an active ideological and political impact on the population of the district. At the same time, in line with the "Belarusization" initiated by V. Kube, the use of the Belarusian language was recommended during the services. The German administration monitored the loyalty of clerics to its policy, encouraged the phenomenon of collaboration in the practice of all faiths, in particular, authorized the establishment of the so-called "Belarusian autocephalous Orthodox Church". At the same time, clerics who refused to cooperate with the occupation authorities, and even more so, who were seen in anti-fascist agitation, were destroyed. As a result, by the beginning of 1943, only the "Belarusian autocephalous Orthodox Church" had a legal status. The Roman Catholic church was declared "illegal"; the Uniate church could act only if it recognized the primacy of the Orthodox Metropolitan; Baptists were allowed to worship only with the consent of the local administration; and associations of evangelists could gather and perform divine services only under the supervision of a representative of the German gabitsskomassar. Assessing the effectiveness of the occupiers' propaganda work in the religious sphere, it should be said that it was minimal. The factors that significantly influenced this were the large-scale partisan movement, the Soviet counter-propaganda, the methods of anti-partisan struggle of the German authorities, which were punitive expeditions against the civilian population in the partisan zones, and the brutal occupation regime.

Keywords: German propaganda, the General District of Belarus, religious denomination, the Great Patriotic War, Nazi neo-paganism, religious policy, "Belarusization"

Publication date: 12.06.2023

Citation link:

Pushkarenko E. Religious confessions of Belarus as a propaganda tool of the German occupation authorities in 1941-1944. (on the example of the General District of Belarus) // *Metamorphoses of History – 2023. – Issue 28* [Electronic resource]. URL: <https://history-metamorph.ru/S230861810025810-1-1> (circulation date: 03.07.2024). DOI: 10.37490/S230861810025810-1

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 03.07.2024; URL - <http://ras.jes.su/history-metamorph/s230861810025810-1-1> Все права защищены.